

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД

Январь 1942 года: необходимость объединения

Формирование военной коалиции

У историка, изучающего проблемы мира и войны, создается впечатление, что он находится на борту судна,двигающегося вдоль берега, на котором представлены в прямой последовательности исторические события – от тех, что уже произошли, к тем, что происходят в настоящее время и произойдут в будущем. Перед ним разворачивается некая панорама: переход из мирного состояния в состояние войны, ход военных действий, а затем – переход из состояния войны в состояние мира, с выработкой условий по поддержанию достигнутого мира.

На самом же деле историческая картина не так проста и вовсе не линейна.

1 января 1942 года, день подписания в Вашингтоне совместного договора, может считаться днем официального создания антигитлеровской коалиции. Обратим свой взгляд в прошлое, чтобы понять, чем было обусловлено это событие.

В сентябре 1939 года, после позорной попытки уклониться от тяжелого испытания, Великобритания и Франция вступили в войну против национал-социалистской Германии. Они были шокированы грубостью и жестокостью Гитлера, но тем не менее Британия не спешила осуждать поведение Германии, поскольку была в какой-то мере ответственна за неустойчивые условия Версальского соглашения, а Франции просто было не до того; она была измучена последней войной и внутренними разногласиями. Длительное время обе державы надеялись, что их дипломатам удастся достигнуть соглашения с Гитлером и в конечном итоге разработать хитроумную комбинацию, которая поможет обуздать его. Их дальнейшие рассуждения строились на уверенности, что даже если Гитлер начнет наступление, то на Восток, и Советский Союз первым подвергнется нападению.

С ведома советского правительства нацистская армия двинулась на восток, в Польшу. Это потрясло Британию и Францию: так вот какова цена прежнего согласия! Оказавшись в положении Польши, они были вынуждены защищать свою историческую территорию собственными силами и вступили в войну. Их решение было продиктовано чувством национальной гордости, к которому примешивалось презрение к врагу. Но фактически декларировалась одна-единственная причина: Германия и ее партнеры содействуют установлению неприемлемого порядка. Целью образования коалиции на начальном этапе был разгром Германии и Италии, если та выступает союзником Германии. Единственное, что требовалось от предполагаемых союзников, так это готовность следовать к намеченной цели.

Впоследствии появятся другие девизы и мотивации: одни, памятуя о результатах Первой мировой войны, поведут народы на борьбу с этим злом, другие будут исходить из желания защиты от возможных будущих нападений или иметь в виду упрочение могущества и извлечение экономической выгоды. Тем не менее все они рассматривались как средства для предотвращения будущих войн, для создания прочного мира. Все они были порождением войны и, с одной стороны, подчинены военным нуждам, реальным или воображаемым, а с другой – временами использовались для решения конкретных политических задач.

Советский Союз еще более неохотно, чем Британия и Франция, вступил в войну. Советские дипломаты время от времени выражали желание принять участие в совместных действиях по обузданию Германии и Италии, но правительства западноевропейских стран не стремились к подобному объединению. Вот что заявил британский премьер-министр Чемберлен в своем выступлении 26 марта 1939 года: «Признаться, я с глубоким недоверием отношусь к России. У меня нет никакой уверенности в ее способности вести эффективное наступление, даже при сильном желании с ее стороны. У меня вызывают

недоверие ее побудительные причины, сильно отличающиеся от наших представлений о свободе».

Запад сильно опасался проникновения коммунистических идей.

К этому времени Мюнхенское соглашение дало возможность Гитлеру, оставив в покое Польшу и Советский Союз, подвергнуть агрессии Чехословакию и разорвать ее на части. Но даже после захвата Праги Чемберлен все еще предпринимал попытки сохранить мирные отношения с Германией. Все сомнения и страхи по поводу того, что Советы могут заключить сделку с Гитлером, отступали перед возможностью избежать конфликта и извлечь выгоду от войны на Западе. Сделка была заключена в августе 1939 года: Пакт о ненападении с секретным протоколом о распределении контроля над большей частью Восточной и Центральной Европы и торговое соглашение.

Согласно договоренности, основная граница проходила от Балтийского до Черного моря. На севере Литва оказывалась за пределами советской сферы влияния. На юге разделительная линия заканчивалась в том месте, где северный рукав дельты Дуная впадал в Черное море, образуя южную границу Бессарабии, входившей в состав России в период с 1812-го по 1917 год, до оккупации Румынией. Правительства этих двух стран не договорились о разделе сфер влияния над южной и юго-западной частью территории, что впоследствии явилось одной из основных причин разногласий между ними.

В качестве дополнения к протоколу от 28 сентября 1939 года была внесена поправка, по которой Литва отходила к Советскому Союзу и корректировалась граница Польши. Решение о разделе Польши впоследствии ляжет в основу советско-польских отношений.

Советское правительство активно добивалось расширения сфер влияния. Вскоре Западная Польша вошла в состав Советского Союза; Балтийские государства, Эстония, Литва и Латвия, постепенно подпали под военное управление России; под угрозой была независимость Финляндии; от Румынии отошли Бессарабия, Буковина и области, прилегающие к Дунаю. Международный контроль над дельтой Дуная был завершен.

В последующие годы Сталин имел обыкновение говорить, что, даже заключая пакт с Гитлером, он прекрасно понимал, что через какое-то время Советский Союз вступит в войну с Германией; что фактически основной причиной такой настойчивости с его стороны было желание получить защитные буферные зоны с западной стороны и выиграть время для укрепления советской армии. Но совершенно ясно, что в то же время ни он, ни его окружение не ожидали молниеносной и окончательной победы Германии над Францией в июне 1940 года и того, что смертельная опасность нависнет над Великобританией. Я убежден, что советские руководители и не предполагали, что в рамках одного года Германия изменит свое отношение и развернется против Советского Союза. Безусловно, они старались, как могли, сохранить хорошие отношения с Гитлером; всячески пытались угодить ему, поддерживали и одобряли развитие нацистской военно-экономической деятельности. Советская пропаганда поддерживала нацистскую Германию перед всем миром. Российское правительство заботилось о том, чтобы Германия получала продовольствие и сырье, в то время как собственное население было вынуждено ограничивать себя во всем; и это несмотря на тот факт, что Германия не выполняла свою часть соглашения. Правительства Америки и Британии за несколько недель перед тем, как немецкие танки прорвали русские границы, предупреждали Москву о готовящемся немецком вторжении. Советское правительство проигнорировало эти предостережения. Желание избежать войны с Германией или, по крайней мере, отсрочить ее явственно прозвучало в речи Молотова, министра иностранных дел Советского Союза, на встрече с послом Германии в Москве накануне вторжения. Из записей немецкого посла:

«Ряд факторов свидетельствует о том, что правительство Германии недовольно советским правительством, – преувеличенно униженно начал Молотов. – Даже ходят слухи, что надвигается война между Германией и Советским Союзом. Они основываются на том факте, что Германия никак не отреагировала на заявление ТАСС от 13 июня; оно даже не было опубликовано в Германии. Советское правительство не понимает причин,

вызвавших недовольство со стороны Германии. Если югославский вопрос вызвал такую реакцию, то я уверен, что могу прояснить его, тем более что это дело прошлого. Я буду чрезвычайно признателен, если мне предоставят возможность объяснить сложившуюся на сегодня ситуацию в германо-советских отношениях».

Молотов умел одинаково хорошо унижаться и нападать. Удар, однако, был нанесен. Советский Союз должен был искать силы для борьбы за выживание.

Британия и Америка поддерживают Советский Союз

Правительства Британии и Америки решили забыть прошлое и прийти на помощь России. Со стороны Британии это было не более чем проявлением инстинкта самосохранения; а вот Соединенные Штаты действовали строго в соответствии со своей политической линией в части помощи любой стране, воюющей с нацизмом.

В начале апреля 1941 года Черчилль уже не сомневался, что Германия вынашивает планы напасть на Советский Союз, поэтому он возобновил попытки установить своего рода рабочие взаимоотношения с Кремлем. Идеи (министр иностранных дел Великобритании. – *Примеч. ред.*) обратился к советскому послу в Лондоне, Майскому, который уклончиво ответил, что советское правительство не обсуждало с Германией новых соглашений и что концентрация нацистской армии не вызывает у них никакого беспокойства. Черчилля не удовлетворил такой ответ. Он объяснил Майскому, что в случае нападения Германии Британия будет готова оказать Советам всестороннюю помощь. На это Майский заявил, что было бы хорошо, если бы Британия для начала официально признала присоединение Балтийских государств к Советскому Союзу.

Несмотря на равнодушие партнеров, Черчилль, как только русские подверглись нападению Германии, сразу предложил помощь. А до этого, 15 июня 1941 года, он лично обратился к Рузвельту с предложением проведения совместных акций. Согласно всем информационным источникам, сообщил Черчилль Рузвельту, нападение на Россию неизбежно. «Если вспыхнет новая война, мы, конечно, должны будем оказать всемерную поддержку и любую помощь русским, руководствуясь принципом, что Гитлер является врагом, которого мы должны победить. Я не ожидаю никаких политических реакций и уверен, что германо-российский конфликт не вызовет у вас никакого замешательства».

Стремление оказать помощь России вызвало негодование в Государственном департаменте. Бесцеремонность и грубость, с которыми Россия, в период сотрудничества с Германией, предъявляла, как само собой разумеющееся, претензии на наши жизненно важные ресурсы, нанесли обиду американцам; а ее территориальные притязания вызвали тревогу. Тем не менее после нападения Германии Государственный департамент уменьшил ограничения на американский экспорт для Советского Союза. Однако президент, желая добиться большего, стремился объединиться с Черчиллем.

Секретарь Госдепартамента Корделл Хэлл был такого же мнения. В своих мемуарах он пишет, что был болен и находился дома, когда пришло известие о вторжении Германии. Он немедленно позвонил президенту и Уоллесу и сказал следующее: «Мы должны оказать России всемерную помощь». Он написал в своих мемуарах, что во время болезни «...находился в постоянном контакте с президентом и Уоллесом, убеждая их оказать России самую мощную поддержку, на какую мы только способны».

Американского посла в Великобритании, Винанта, находившегося в тот момент в Вашингтоне, попросили сообщить об этом премьер-министру, для чего тот поспешил вернуться в Англию, чтобы успеть 20 июня в Чекере на встречу с Черчиллем, Иденом и сэром Стаффордом Криппсом, британским послом в Советском Союзе. Черчилль, полагая, что наступление находится еще только в стадии подготовки, подготовил заявление, с которым собирался выступить по радио. Впоследствии он рассказывал: «Американский посол, проводивший у меня уик-энд, привез ответ президента на мое письмо, в котором он обещал, что, если немцы нападут на Россию, он немедленно публично поддержит любое

заявление премьер-министра в адрес России».

Позже Черчилль объяснил, что у него не было ни малейшего сомнения относительно долга и политической стратегии Британии. Когда его личный секретарь, Колвилл, поинтересовался, не повлияет ли объединение с русскими на «ограничение свободы в Доме Риммона», Черчилль повторил: «Ничуть. У меня единственная цель – уничтожить Гитлера, и тогда мне будет намного проще жить. Если Гитлер попадет в ад, я, по крайней мере, одобрительно отзовусь в палате общин о дьяволе».

Вот выдержки из выступления Черчилля по радио в ночь на 22 июня: «У нас есть одна-единственная цель. Мы полны решимости уничтожить Гитлера и все следы нацистского режима. Ничто не свернет нас с этого пути. Ничто. Мы никогда не будем вести переговоров, мы никогда не вступим в переговоры с Гитлером или с кем-нибудь из его банды... мы окажем поддержку любому человеку или государству, которые воюют с нацизмом... и, следовательно, мы окажем любую, какую сможем, помощь России и русским. Мы будем призывать всех наших друзей во всех частях мира выбрать тот же курс и твердо и непоколебимо следовать ему до конца...»

Частично радиообращение Черчилля было опубликовано в «Правде». Но советское правительство не торопилось отвечать на него. Тогда 7 июля премьер-министр опять предпринял инициативу. Он отправил послание Сталину, в котором говорилось, что Британия сделает все, чтобы помочь России, насколько позволят ресурсы Британии. Он предложил устроить встречу с русской делегацией для обсуждения совместных действий. Следом за этим Сталин приступил к переговорам с Криппсом об условиях двух возможных англо-советских соглашений. Одно включало в себя совместные обязательства взаимопомощи и невозможность заключения сепаратного перемирия или мирного договора; 12 июля оно было подписано Молотовым и Криппсом. Сущность второго соглашения составляли политические вопросы; оно осталось в стадии обсуждения.

Через неделю после создания коалиции Черчилль, давний оппонент большевизма, впервые получил личное послание от Сталина. в котором недвусмысленно выдвигалось основное требование со стороны Советского Союза, заключавшееся в создании Британией второй линии фронта – в Северной Франции и в Арктике. Сталин приводил доводы в защиту того, что сейчас самое время для подобного рискованного предприятия, поскольку вся армия Гитлера сконцентрирована на Востоке. Черчилль незамедлительно ответил, что Британия предпримет все возможное, но объяснил, что существуют проблемы, связанные с ограниченностью ресурсов и географическим положением. Все это находится в ведении начальника штаба вооруженных сил, и сейчас нечего и думать об успешности любой крупномасштабной операции на Западе. Он напомнил Сталину о том, что Британия больше года воевала одна, что все имеющиеся в наличии сухопутные и воздушные ресурсы были задействованы в сражениях на собственной территории и на Ближнем Востоке, а сражения в Атлантике и транспортные конвои израсходовали все имеющиеся у Британии морские ресурсы. Следовательно, закончил Черчилль, ближайшей реальной операцией может быть данное силами авиации и флота Британии сражение на Севере с германским флотом.

Одновременно Британия делала все возможное для выделения самолетов Советскому Союзу; частично из собственных ресурсов, частично из ресурсов Соединенных Штатов. Кроме того, в экстренном порядке британцы увеличили производство предметов первой необходимости и сырья, предназначенных для Советского Союза. таких, как обувь, резина, каучук, олово, шерсть.

В этой ситуации первоочередное значение приобрели потребности, связанные с войной. Если Россия, пока Соединенные Штаты будут пребывать в нерешительности, падет, Британской империи вряд ли удастся удержаться под напором врага. Но в Лондоне считали, что сейчас не время задавать вопросы или ставить условия. Не имеет значения, какие трудности в дальнейшем будут связаны с победой Советов, они едва ли будут сравнимы с огромной угрозой, которая может нависнуть над Британией: нападение с

воздуха, оккупация, голодная смерть и, возможно, крах империи.

Перед Соединенными Штатами не стояли столь трагические перспективы, поэтому американское правительство уделяло больше времени обсуждению, в какой мере и на каких условиях лучше выполнить данное президентом обещание в части содействия советской обороне. Но, даже испытывая готовность оказать помощь и игнорируя внутреннее противостояние, вопрос было решить не так-то просто.

К июню-июлю 1941 года Соединенные Штаты согласились с доводами Британии (как и воюющие Франция, Голландия, Бельгия, Югославия и Польша). Это дало возможность сосредоточить силы не только в Соединенном Королевстве и на морях, но и в таких отдаленных районах, как Ближний Восток. Мы поставляли оружие с учетом местоположения точек, где оно было особенно необходимо. Для этого американское правительство взяло на себя патрулирование маршрутов доставки, ежедневно подвергая опасности участников операции. Американские части приняли у Британии контрольный пост в Северной Атлантике и в Исландии. Ближайшие планы предусматривали расширение масштабов операций, связанных с конвоем, и получение у конгресса разрешения на заход американских торговых кораблей в зоны боевых действий. Но тогда Рузвельт еще не принял решения относительно подобных мероприятий, даже несмотря на то, что военные советники убеждали его в необходимости поддержки Британии. Массовое недовольство вполне могло перерасти в серьезный конфликт.

Одновременно американское правительство пыталось путем убеждения и нажима воспрепятствовать возможному нападению со стороны Японии. Государственный секретарь Соединенных Штатов Хэлл и японский посол в Вашингтоне Номура в апреле-мае начали серию переговоров о путях ослабления растущей напряженности. Хэлл не особенно верил, но, по крайней мере, надеялся на возможность максимально отсрочить решение вопроса с помощью силы. В ходе ведения переговоров не наблюдалось никакого прогресса, и в июле поступили новые предупредительные сигналы о том, что Япония готовит удар в южном направлении. Эта угроза в Тихом океане занимала все мысли президента и военных советников, поэтому они обсуждали вопрос, насколько быстро следует входить в англо-советскую коалицию.

Несмотря на опасность со стороны Тихого океана, на принятие Америкой решения оказывало влияние одно неумолимое соображение: в случае быстрого и окончательного разгрома России Великобритания, а за ней и Соединенные Штаты окажутся лицом к лицу с более сильным и крайне самонадеянным противником. Подобное соображение объясняет, почему в основе первых официальных документов лежала уверенность в том, что Россия не будет долго сопротивляться и этот короткий промежуток времени следует использовать наиболее продуктивно для подготовки к войне.

Эту информацию удачно иллюстрируют записки, которые президент получал от военных министров, а те, в свою очередь, от военных специалистов соответствующих ведомств. Взять хотя бы первое сообщение Симпсона от 23 июня, в котором, по сути, говорилось следующее:

1. Действия Германии сильно напоминают ниспосланные свыше события.
2. Минимум за месяц, а максимум за три немцы полностью уничтожат Советский Союз.
3. Это время следует активно использовать для форсирования действий в Атлантике.

«Окончательным доказательством устремлений и вероломства нацистов служит широко открытая для Вас (президента) дверь, ведущая прямо к победному сражению на Северной Атлантике и защите нашей зоны в Южной Атлантике...»

В письме Кнокса, министра военно-морских сил, написанном в тот же день, говорилось:

«Гитлер уничтожит Россию за период от шести недель до двух месяцев; по моим предположениям, это самое большее, на что можно рассчитывать. Мне кажется, нам не следует упускать время, а стоит нанести серьезный удар, причем чем раньше, тем лучше».

Президент действовал крайне осмотрительно. Он предоставил возможность Уоллесу, исполняющему обязанности государственного секретаря, 23 июня, на следующий день после нападения Германии на Россию, подготовить почву для дальнейших действий. С этой целью прессе было сообщено: «По мнению правительства, любое противостояние гитлеризму, любое антигитлеровское объединение сил, вне зависимости от источника их происхождения, только ускорят окончательное уничтожение нынешних немецких лидеров и, следовательно, будут способствовать нашей собственной защите и безопасности». На следующий день в речи президента прозвучали небольшие уточнения, правда весьма незначительные. Советские денежные вклады в Соединенных Штатах размораживались, чтобы дать возможность советскому правительству производить закупку оружия. На пресс-конференции президент, говоря о том, что готов оказывать помощь России, добавил, что не знает, в чем именно нуждаются русские; фактически советскому правительству предлагалось сообщить, что им больше всего требуется. Несмотря на предпринятые журналистами попытки, президент уклонился от обсуждения собственных действий и предполагаемых деталей будущих шагов. На вопрос «является ли защита России защитой Соединенных Штатов?» президент предложил журналисту задать, к примеру, вопрос: «Сколько лет Энн?»

Через два дня после пресс-конференции, 26 июня, Уоллес сообщил решение Белого дома: закон о нейтралитете на Советский Союз распространяться не будет. А это означало, что мы сможем входить в русские порты, в частности во Владивосток.

В течение следующих двух недель советское правительство представило на рассмотрение перечень самого необходимого через Уманского, советского посла в Вашингтоне. Перечень, объем которого, приближающийся к двум миллионам долларов, включал такие пункты, как три тысячи самолетов-истребителей и три тысячи бомбардировщиков, был признан невысказанно огромным всеми департаментами.

Пока американское правительство изучало представленный на рассмотрение документ, 12 июля, как упоминалось ранее, британское и советское правительства подписали совместный договор о взаимной помощи и поддержке. На следующий день, 13 июля, когда на Восточном фронте уже третью неделю шли бои, Гарри Гопкинс (советник и специальный помощник президента Рузвельта во время Второй мировой войны. – *Примеч. ред.*) отправился в Англию для обсуждения с Черчиллем и его советниками вопросов, связанных с поставками, и выработки стратегии.

В Лондоне у Гопкинса появилась слабая надежда на то, что советская армия сможет продержаться до зимы. Черчилля поразило тот факт, что, в то время как Британия была убеждена в необходимости проведения крупной военной акции, Сталин никак не выказывал своей невероятной зависимости от предлагаемой помощи; казалось, что его больше интересуют вопросы, связанные с границами и разделом сфер влияния после окончания войны, нежели что-то иное. Но об этом мы еще поговорим чуть позже.

На протяжении этого времени Рузвельт предпринимал энергичные шаги, связанные с поставкой оружия воюющей России. В несвойственной ему манере президент отдал распоряжение своей администрации, чтобы просьба русских была немедленно рассмотрена, и в течение сорока восьми часов был составлен и отправлен перечень с теми позициями, по которым может быть оказана помощь. Он лично проследил за выполнением этих распоряжений. Несмотря на противодействие со стороны армии и флота и неуверенность, царящую внутри Госдепартамента, с помощью своих сторонников Рузвельт добился передачи на заводы первого перечня заказов. Правительства Советского Союза и Британии были в курсе этих экстренных мер, и Гопкинс, находясь в Лондоне, мог рассчитывать на продолжение этих действий.

В связи с неопределенностью положения на Восточном фронте Гопкинс имел все основания полагать, что переговоры с Британией относительно совместных действий в Атлантике и на Ближнем Востоке приведут к принятию конкретных решений. Он решил, что должен срочно отправиться из Лондона в Москву, чтобы попытаться на месте подробнее выяснить потребности русских и их взгляды на будущее. 25 июля Гопкинс отправил президенту сообщение: «У меня ощущение, что должно быть сделано все возможное и, даже если они потерпят поражение в ближайшем бою, для придания им уверенности мы должны открыть второй фронт. Я думаю, что в такой критический момент если что и может оказать влияние на Сталина, так это непосредственное общение между вами через личного представителя».

Президент немедленно санкционировал поездку Гопкинса в Москву, где тот должен был передать личное послание Сталину, в котором подтверждалась наша готовность оказать поддержку русским. Рузвельт не меньше, чем Черчилль, думал в то время о том, что русским необходимо продолжать борьбу.

30 июля Гопкинс прибыл в Москву; в этот же день российское и находящееся в изгнании польское правительства подписали союзный договор. Гопкинс с первой беседы отметил особую манеру Сталина в ведении переговоров. «Я передал ему (Сталину) убежденность президента в том, что наиважнейшим вопросом на сегодня является разгром Гитлера и гитлеризма во всем мире. Я убеждал его, что наш президент и правительство полны решимости в самое ближайшее время оказать посильную помощь Советскому Союзу».

Сталина, безусловно, порадовало это сообщение, после чего Гопкинс предложил ему сообщить, чем Соединенные Штаты могут помочь в первую очередь, а что потребуется в дальнейшем в течение всей войны.

Во время второй беседы, состоявшейся 31 июля, Сталин, отвечая на просьбу Гопкинса о том, что президент с нетерпением ждет возможности ознакомиться с точкой зрения Сталина на войну между Германией и Россией, полностью обрисовал сложившуюся ситуацию и перспективы. Как Гопкинс сообщил президенту, Сталин неоднократно повторял, что он трезво оценивает немецкую армию: она высоко организована, немцы имеют большие запасы продовольствия, топлива, людские резервы, достаточные для проведения зимней кампании. Но «он (Сталин) уверен, что в течение зимних месяцев линия фронта будет отстоять от Москвы, Киева и Ленинграда, вероятно, почти на том же расстоянии, что и сейчас». Кроме того, Сталин был уверен, что советская армия сможет разгромить немцев еще до наступления зимы. Но ход сражения, кроме того, будет «в большой степени зависеть от возможности подойти к весенней кампании с достаточным количеством вооружения, особенно самолетов, танков и зениток». Прежде чем закончить беседу, Сталин пояснил Гопкинсу, что следует сообщить президенту, «...что я уверен в неизбежности схватки Соединенных Штатов с Гитлером на каком-нибудь поле сражения. Мощь Германии столь велика, что, несмотря на то что Россия в состоянии защитить себя, даже совместными усилиями Англии и России будет трудно сокрушить немецкую военную машину. Только одно может уничтожить Гитлера, и, вероятно, даже без боя – это объявление о вступлении Соединенных Штатов в войну с Германией. Я, однако, уверен в том, что война будет жестокой и долгой; что, если американцы вступят в войну, американский народ будет настаивать на схватке своей армии с немецкими солдатами». Сталин хотел, чтобы Гопкинс передал президенту, что он будет рад американским войскам в любой части российского фронта.

Гопкинс сообщил Сталину, что правительства Соединенных Штатов и Великобритании сделают все возможное, чтобы в течение ближайших недель отправить в Россию самое необходимое. Но он подчеркнул, что в этот период будут поставлены только уже готовые изделия, и Сталин должен понимать, что, вероятно, даже эти поставки не смогут оказаться на передовой до наступления холодов. Гопкинс всячески убеждал Сталина в необходимости начать переговоры по поводу долгосрочных совместных

планов, поскольку американскому и британскому правительствам необходимо учесть все потребности России. Правда, добавил Гопкинс, они не сумеют отправить тяжелое пехотное оружие «до тех пор, пока не будет проведена конференция трех наших правительств, где были бы совместно рассмотрены и решены не только вопросы стратегии всех фронтов, но и интересы каждой отдельной страны». Сталин заявил, что поддерживает проведение подобной конференции.

Гопкинс был в восторге от этих переговоров. Ему нравилась твердость Сталина, исчерпывающая откровенность и умение принимать решения. Его потрясла уверенность, с которой русские собирались сражаться; подтверждением тому служил перечень требований российской стороны. 1 августа Гопкинс отправил президенту краткий отчет: «Я чувствую крайнюю необходимость в создании этого фронта... У них просто невероятная решимость победить...» Позже, описывая визит Гопкинса в Москву, Роберт Шервуд назвал его «...поворотным пунктом в отношениях военного времени между Британией, Соединенными Штатами и Советским Союзом». Думаю, что скорее это была «роковая черта». В отчетах Гопкинс указывал на непоколебимую уверенность Сталина и передавал слова благодарности в адрес Рузвельта и американцев, уже заложивших прочную основу в отношениях. Американское правительство, ранее возражавшее против обязательств в части любых поставок в адрес Советского Союза, 2 августа официально приняло на себя эти обязательства. В ноте, направленной советскому правительству, в частности, говорилось:

«...Правительство Соединенных Штатов решило предоставить всю возможную экономическую помощь в целях упрочения положения Советского Союза в его борьбе против вооруженной агрессии».

Гопкинс в спешном порядке покинул Москву и вернулся в Англию, чтобы успеть на военный корабль, который должен был взять его на борт и вместе с Черчиллем доставить на Ньюфаундленд для встречи с Рузвельтом. К моменту переговоров, происходивших с 9 по 12 августа 1941 года, Советский Союз воевал уже шесть недель. Черчилль и Рузвельт ранее вынесли представление из докладов Гопкинса, что русские смогут продержаться до зимы, а это даст Советскому Союзу возможность восстановить армию, укрепить оборонительные позиции, полностью эвакуировать военную индустрию, увеличить производство вооружения и лучше оснастить армию. Сталин однажды выразил надежду, что Британия высадится в Западной Европе. Черчилль ответил, что это невыполнимо. Росло ощущение необходимости убедить советское правительство в том, что поддержка со стороны Британии и Соединенных Штатов касается не просто кризисной ситуации, а рассчитана на продолжительный период. Во время совещания, проходившего в заливе Арджентия, Рузвельт с Черчиллем решили (в развитие идеи Гопкинса) отправить в Москву совместную миссию для всестороннего обсуждения программы дальнейших поставок в Советский Союз, о чем уведомили письмом Сталина.

Сталин одобрил это предложение. Черчилль сообщил Рузвельту, что пошлет в Москву лорда Бивербрука. Было бы естественным направить в Москву Гопкинса, который взял на себя контроль за распределением военных поставок, но ему не позволило состояние здоровья. Президент решил отправить В. Арвелла Гарримана, отвечающего за военные поставки в Лондоне. У Гарримана к этому времени были теплые взаимоотношения с Черчиллем и многими руководителями британских военных структур и большой опыт в разработке методов по оказанию помощи.

Сразу же по возвращении в Вашингтон президент приступил к решению непростого вопроса, связанного с отправкой в Москву партии товаров, удовлетворяющих требованиям советской стороны. Позиция президента отчетливо просматривается в письме от 30 августа, направленном военному министру Стимсону: «Я считаю, что все необходимые для России военные поставки, причем не только в ближайшее время, но и в течение всего периода, пока она сражается с державами Оси, имеют первостепенное

значение для безопасности и защиты Америки. Я убежден, что на предложенной конференции Великобритания и Соединенные Штаты должны связать себя с Россией прочными и всеобъемлющими обязательствами».

Одновременно президент попросил предоставить полные оценочные данные, связанные с производством наиболее важных изделий, необходимых для победы; программа производства была составлена с учетом приоритетности изготовления.

К этому времени военные круги Америки изменили свое мнение относительно обороноспособности русских и преимуществ, связанных с поддержкой России. К примеру, в сообщении Объединенного комитета армии и флота, направленном 25 сентября в Белый дом, говорилось: «Поддержание активности на русском фронте дает наилучшую возможность для наступления, поскольку только Россия обладает достаточной численностью личного состава вооруженных сил, расположенных в наибольшей близости к центру германской армии. Более всего Россия нуждается в военно-воздушных и сухопутных силах. Какие-либо прогнозы относительно исхода войны в России преждевременны».

Однако президент соблюдал осторожность, опасаясь вызвать споры в отношении будущей помощи коммунистической России. Он со дня на день откладывал рассмотрение этого вопроса, выработывая стратегию, и, прежде чем поднимать вопрос о ленд-лизе для России, хотел быть уверенным в том, что конгресс не сможет отказать в необходимых ассигнованиях. В попытке расчистить путь он старался убедить Сталина одобрительно высказаться относительно свободы религии; это могло нейтрализовать католическую оппозицию.

Тем временем британское правительство продолжало выработку мер, связанных с производством и поставкой вооружения, необходимого России для ведения боевых действий. Работа продолжалась, несмотря на то что в этот период между британским и советским правительствами шел резкий обмен мнениями. По словам Черчилля, Сталин оказался «грубым, злобным, жадным и в последнее время совершенно равнодушен к проблеме нашего существования».

Послания Черчилля, живописующие усилия британского правительства по оказанию помощи России, вызывали только недовольство со стороны Сталина. Оптимизм, отличавший беседы Сталина с Гопкинсом, быстро таял; все труднее было противостоять германской агрессии. Сталин, пренебрегая опасностью с Дальнего Востока, со стороны Японии, фактически высмеивал все действия Британии в борьбе против Германии. Он прямо говорил об этом в послании к Черчиллю от 4 сентября: немцы беспрепятственно дошли до Восточного фронта, и единственное, что могло спасти положение, это создание в течение 1941 года второго фронта во Франции или на Балканах. Сталин требовал, чтобы Британия отвлекла от Востока порядка тридцати – сорока германских дивизий. Это требование, повторяемое снова и снова, звучало диссонансом в основной теме коалиции.

Майский, передавая это послание Черчиллю, вел себя настолько непозволительно, что премьер-министр был вынужден его одернуть.

На следующий день Черчилль конфиденциально сообщил Рузвельту, что, хотя во время беседы Майский ни словом не обмолвился о возможности сепаратных соглашений, у него создалось впечатление, что русские не исключают такой возможности. Это не сможет повлиять на военные планы американского и британского правительств, но должно заставить их ускорить отправку совместной миссии в Москву.

28 сентября английский и американский официальные представители прибыли в Москву. С первых слов Бивербрук и Гарриман попытались объяснить, какие усилия прилагают их страны для оказания помощи русским. Все же поначалу, по словам Черчилля, делегации был оказан холодный прием. Советские официальные лица демонстрировали скептицизм, если не сказать – недоверие, относительно возможности Великобритании при первой же необходимости открыть второй фронт. Затем, 29 сентября, на первых переговорах со Сталиным, казалось, недоверие уступило место

симпатии. Но уже на втором совещании опять наступило совершенно очевидное ухудшение. Сталин вел себя грубо, в который уже раз он указывал на то, что предлагаемая помощь не идет ни в какое сравнение с бременем, обрушившимся на советскую армию, и обвинял Британию во всех тяготах и лишениях, выпавших на долю Советского Союза. Во время третьего совещания опять произошло изменение в настроении и поведении; теперь Сталин и Молотов были внимательны и полны энтузиазма. Они прекратили всяческие попытки потребовать больше, чем могли получить, и договоренность была достигнута без особого труда.

Бивербрук, редко испытывавший недовольство от собственных поступков, отнес подобную переменчивость в настроении к собственноручно продуманному хитрому плану кампании. А Гарриман пришел в замешательство, особенно от грубости Сталина во время второго совещания. Впрочем, он тоже был рад «солнцу после дождя», как охарактеризовал эту ситуацию Бивербрук. Русские тоже казались удовлетворенными. Сталин подтвердил это, а Литвинов (посол СССР в США. – *Примеч. ред.*), выступавший в качестве переводчика, вскочил со своего места и громко объявил: «Теперь мы выиграем войну». В своей речи, произнесенной на последнем совещании, 1 октября, Молотов заявил «о нашей огромной признательности инициаторам конференции» и сказал, что работа конференции «предопределила» победу над Гитлером. На ужине, данном Сталиным, царило веселье. Свое хорошее настроение Сталин продемонстрировал с помощью тостов, приблизительно около сорока, по числу присутствующих. Каждый раз он вставал и чокался с героем тоста; целый устоявшийся ритуал, который станет столь привычным во время подобных конференций.

По просьбе Сталина перспективный план поставок был оформлен в виде протокола, подписанного в Кремле 1 октября. Он количественно определял каждую позицию поставок для Советского Союза начиная с 1 октября 1941 года и по 1 июля 1942 года. Четыреста самолетов в месяц, включая бомбардировщики; пятьсот танков в месяц и большое количество другой бронетехники, противозенитные и противотанковые орудия, различное телефонное оборудование, алюминий (которого, из-за быстрого продвижения немецкой армии, Советский Союз испытывал острую нехватку); олово; свинец; никель; медь; магний; сталь; нефть; химические продукты; резина; кожа; шерсть; обувь; одежда для армии; пшеница и медикаменты. Все это и многое другое было обещано без требований о предоставлении с советской стороны полной информации относительно всех потребностей и имеющихся у нее запасов; любая другая страна, стремящаяся получить помощь по ленд-лизу, была обязана предоставить информацию подобного рода. В обязанность американской и британской администраций вменялось только размещение этих заказов «на соответствующих производствах Британии и Америки для Советского Союза», правда, отдельно оговаривалось, что «Великобритания и США должны оказывать помощь в транспортировке и доставке грузов в Советский Союз». Впоследствии советское руководство утверждало, что они были просто обязаны убедиться в том, что груз доставлен по назначению, и, когда были временно приостановлены конвои в северные русские порты, упрекали британское правительство в нарушении обязательств.

Произошла серьезная задержка в обеспечении и поставке большого количества изделий, обещанных Советскому Союзу не только ранее, но и в соответствии с протоколом. Но все, что уже было отправлено русским, имело для них существенное, возможно даже жизненно важное, значение на протяжении следующей зимы. Самолеты и оружие, ввиду огромного дефицита, собирались в неполной комплектации; увеличение мобильности армии обеспечивали грузовые машины. Учитывая изоляцию Ленинграда и захват немцами фабрик, заводов и электростанций, поставки сырья и оборудования пришлось весьма кстати.

Но еще более важно в этот критический момент было придать уверенность отважным защитникам в том, что у них есть сильные союзники, которые не дадут им погибнуть. Вот в этом они крайне нуждались. Осень в России в том году задержалась, что

дало немцам возможность дольше, чем они предполагали, продолжать наступление. Критический момент наступил в середине октября, вскоре после подписания соглашения. Немцы прорвали русскую оборону у Калинина и оказались примерно в тридцати-сорока милях от Москвы. Советское правительство эвакуировало многие министерства и дипломатические корпуса в Куйбышев, расположенный в пятистах милях восточнее Москвы. Но Сталин и его военные советники оставались в Москве и декларировали, что осажденная столица будет защищаться до последнего. Вероятно, американская и британская поддержка помогли обеспечить такую упорную оборону. Защитники рассказывали, что воевали со спокойным сердцем, зная, что не одиноки. 14 октября радио Москвы передало сообщение для защитников города: «Наши люди спокойно глядят правде в глаза. Враг пытается сломить Москву... Снег на полях залит кровью... Гитлер не сможет выдержать нашу зиму. Мы громим немцев у Мелитополя и Мурманска и одновременно подтягиваем мощные резервы на передний край. Немцы никогда не смогут победить русских. Пока тысячи немцев гибнут в брянских лесах, британские самолеты обстреливают Нюрнберг... военные поставки следуют к нам и в Британию через океан. Америка собирает пять тысяч самолетов в месяц. Время – наш союзник...»

Время, пространство, отважные сердца и сильные тела, ледящий холод и помощь Запада – все это работало против Гитлера. А вот Соединенные Штаты не собирались очертя голову ввязываться в войну, но все-таки это произошло 7 декабря, когда Япония, недовольная препятствиями, которые мы чинили ей на пути к полному господству в Азии, подвергла бомбардировке нашу базу в Пёрл-Харборе и потопила большую часть Тихоокеанской флотилии.

Вступление Америки в войну. Окончательное формирование коалиции

Подписав в сентябре 1940 года тройственный договор, Япония объединила свою судьбу с Германией и Италией. Она решила стать членом этого бесчестного союза, который, по мнению американцев, не имел права на существование. Вопреки надеждам его организаторов, мы не только оказали поддержку Китаю и Великобритании, но с этого момента укрепились наша позиция в отношении Японии.

В июле противостояние достигло своей кульминации, но эти события настолько свежи в памяти, что нет нужды говорить о них еще раз.

В ноябре переговоры (имеющие отношение к Британскому Содружеству, Китаю и Голландии) между правительствами Японии и Америки находились в стадии серьезных разногласий. Раздираемая внутренними противоречиями, Япония предлагала заключить перемирие, пытаясь тем самым оттянуть принятие необходимого решения. Она предлагала краткосрочный договор, в соответствии с которым японская армия должна была начать отступление из Индокитая, а Соединенные Штаты с союзниками, соответственно, возобновить поставки нефти в Японию и прекратить оказывать поддержку Китаю. После мучительных недельных раздумий американское правительство пришло к заключению о неоправданности и безосновательности этих условий и решило пресекать любые попытки принятия соглашений подобного рода. Причина, вызывавшая основное опасение, заключалась в том, что такой договор мог привести к развалу антигитлеровской коалиции. В процессе заключения сделки с Японией китайское правительство могло прийти к выводу, что мы окажемся следующими. Советский Союз, с трудом противостоящий немцам, мог решить, что лучше согласиться на сделку с Гитлером, чем продолжать войну. Впрочем, даже если к этому моменту Япония была бы готова изменить собственную позицию, это бы ничего не дало; конфликт уже нельзя было урегулировать обычным путем; он зашел слишком далеко. Германия-Италия-Япония форсировали создание оборонительной коалиции, по своим масштабам значительно превышавшей планируемую Японией Тихоокеанскую империю. Теперь выжидательная позиция японского правительства уже не радовала, а скорее вызывала опасение.

Итак, 26 ноября в последней ноте Америка отказалась от сделки с Японией и предложила присоединиться к ней на условиях принятия основополагающих принципов с учетом национальных особенностей.

Вот эти условия, предложенные ранее во время переговоров Хэллом и вновь повторенные в последней американской ноте в адрес японского правительства:

- а. Уважение территориальной целостности и суверенитета каждой отдельной нации;
- б. Соблюдение принципов невмешательства во внутренние дела других государств;
- в. Соблюдение принципа равноправия, в том числе и в сфере торговли;
- г. Сохранение статус-кво в Тихоокеанском регионе, за исключением случаев, когда он может быть изменен мирным путем.

Соединенные Штаты упорно стояли на этой позиции и не шли ни на какие компромиссы. У японских лидеров уже не оставалось времени на то, чтобы, используя остатки былой славы, связанной с прошлыми войнами, предстать перед своим народом в качестве удачливых государственных деятелей.

Японское правительство, оказавшись перед подобной альтернативой, выбрало войну. Утром 7 декабря милитаристские силы ударили по государству и по принципам, которые их не устраивали.

В переломный момент между миром и войной американское правительство демонстративно выразило несогласие с рискованными действиями государств Оси.

В последней ноте шла речь скорее о формировании будущих отношений, нежели давалось объяснение прошлым. Появлялась потрясающая возможность из широкого круга общих устремлений выделить одну разумную цель.

Американское правительство, а в особенности государственный секретарь Хэлл, были приверженцами применения этой идеи на практике. И раньше во все смутные времена Хэлл призывал сражающиеся государства руководствоваться правилами хорошего тона. Мирное сосуществование государств Западного полушария шло только на пользу и способствовало общей защите. Предложенные на обсуждение правила варьировались в зависимости от ситуации. На период нейтралитета для каждой из сражающихся сторон, будь то Азия или Европа, были разработаны временные правила. Хэлл никогда не мог понять, почему другие страны не придерживаются этих правил, но все-таки не терял надежды, что когда-нибудь они к этому придут. Для него правила не были чем-то неопределенным и безжизненным. «Это убедительные, жизнеспособные, всеобъемлющие правила. На земле установится вечный мир, если все будут следовать этим правилам. Если не придерживаться правил, будет вечная война».

Во время августовской встречи в заливе Арджентия Рузвельт с Черчиллем выработали декларацию о принципах и целях войны. впоследствии ставшую известной как Атлантическая хартия. Для нас казалось естественным, объединив свою судьбу с Великобританией и Советским Союзом, направить совместные усилия на определение общих целей, к которым следует стремиться. Создание такого документа могло к тому же иметь практическое значение. Наш союз с иностранными державами мог перерасти в нечто большее, чем военный альянс. Он мог пойти по пути заключения корыстных, тайных сделок военного времени, как это произошло во времена Первой мировой войны, тем самым заставив Соединенные Штаты отказаться от намерения объединиться с другими государствами. В то же время будущие гарантии, после победного окончания войны, справедливого и надежного существования, могли поддержать дух народов, находящихся под властью Оси. Черчилля подобный проект устраивал по совершенно другой причине: опубликование совместной декларации по общим принципам войны и мира должно было способствовать усилению единства Соединенных Штатов и Британского Содружества.

9 августа на обеде, последовавшем после предварительных переговоров между Уоллесом (вице-президентом США в 1941–1945 годах. – *Примеч. ред.*) и Кадоганом, британским парламентским заместителем министра иностранных дел, Рузвельт

предложил Черчиллю разработать совместную декларацию, «основанную на общих принципах, которые должны будут определять нашу дальнейшую политику». Черчилль вспомнил об этом на борту «Принца Уэльского»; как правило, его слова не расходились с делом. Уже на следующий день премьер-министр представил готовый для рассмотрения проект декларации.

Этот проект включал в себя три из четырех важнейших положений, вошедших в Атлантическую хартию:

- их страны не будут стремиться к территориальным и каким-либо другим захватам;
- они не желают территориальных переделов, идущих вразрез с волеизъявлением заинтересованных сторон;
- они уважают право народа на выбор той формы правления, при которой они хотели бы жить.

Рузвельт внес карандашную поправку в третий пункт проекта: «...и надеются, что самоуправление сможет вернуть их в то состояние, из которого они были выведены насильственным путем».

Черчилль одобрил внесенное добавление и предложил его в следующей формулировке: «...и надеются, что суверенные права и самоуправление ...»

Кроме того, проект Черчилля затрагивал вопрос, связанный с обеспечением международной безопасности. «Они (Соединенные Штаты и Британия) добиваются такого состояния, при котором не только навсегда будет уничтожен нацизм, но и обеспечена защита территориальной неприкосновенности всех государств силами международной организации...» Президент вычеркнул слова «...силами международной организации...». Черчилль убеждал его оставить все в прежнем виде, но Рузвельт, опасаясь возможности возникновения определенного недоверия и подозрительности в Соединенных Штатах, стоял на своем. И кроме того, объяснял Рузвельт Черчиллю, он не является сторонником создания новой Лиги Наций. К тому времени у него еще не было четкого мнения относительно международной организации. Он искренне верил, что коллективный союз, подобный Лиге Наций, недееспособен, и активно искал другие пути, гарантирующие будущий порядок. В то же самое время Рузвельт был захвачен идеей, что Соединенные Штаты и Великобритания способны добиться этого весьма простым путем, поскольку будут заниматься мирным урегулированием и иметь возможность сдерживать агрессию; они должны были действовать как два полицейских, к которым вскоре присоединится третий, Советский Союз, а позже четвертый, Китай.

Черчилль был обеспокоен возможной вероятностью того, что декларация военных целей подвергнется в Британии резкой критике. Документ был рассчитан на переходный период, в течение которого будут задействованы объединенные силы по охране правопорядка, а по окончании означенного периода необходимость в этом отпадет. Немного позже в этот же день он предложил президенту подумать о внесении новой поправки в заключительную статью, в которой они ратовали за разоружение всех тех, кто представлял угрозу для мира. «...закрывающуюся в создании широкомасштабной, долговременной системы всеобщей безопасности...».

Под нажимом Гопкинса и Уоллеса президент согласился, придя к выводу, что, благодаря внесенной поправке, проясняется положение в переходный период, после окончания войны, и что формирование международной организации будет отнесено на более поздний период. Впоследствии будет показано, каким образом Рузвельт внес изменения в свой перечень целей.

Американцы в основном спокойно отреагировали на Атлантическую хартию. Хэлл отметил это в своем выступлении 14 августа:

«Основные принципы, понятия и стратегия, заложенные в этом документе, являются универсальными с точки зрения их практического применения».

Хартия не просто, подобно моральному кодексу, диктовала, как следует жить, а совершенно конкретно отвечала на бесчисленные вопросы, которые могли быть поставлены войной. Я еще расскажу, как на протяжении многих лет американское правительство предпринимало упорные попытки заставить коалицию использовать эти принципы в качестве основы для принятия совместных решений. В тех случаях, когда не было столкновения интересов или резкого расхождения в понимании цели, усилия были оправданы; но в случае резкого столкновения интересов приходилось поступаться принципами.

Другими словами, обнаружилась зависимость принципов от условий и обстоятельств. Так и должно быть внутри военной коалиции; каждый из участников обязан прислушиваться к другим. Каждый должен уважать любое мнение других, даже если оно не совпадает с его собственным пониманием принципов, и каждый должен устоять перед любым проявлением враждебности или антагонизма со стороны других. Одним словом, коалиция подавляет желания и калечит чувства каждого из своих членов.

Кроме того, в ходе борьбы при постоянно меняющейся ситуации определенного преимущества можно достигнуть только с помощью компромиссов, что, собственно, и делается. Более того, по законам войны страна имеет полное право оставить за собой то, что досталось ей путем страданий и потерь; это расценивается как закон. И последнее: государства в одно и то же время могут иметь противоречивые мнения и, следовательно, руководствоваться различными принципами. В этих случаях закон бессилён.

Но осознали это все гораздо позже. В то время, в 1941 году, принципы, заложенные в основу хартии, определяли дальнейшие перспективы, с помощью которых было проще склонить американцев к принятию срочных мер перед надвигающейся войной. Как только мы вступили в войну, американское правительство сразу же занялось привлечением в стан единомышленников большой группы государств; 1 января 1942 года была подписана Декларация Объединенных Наций. Этот документ, объединивший в военный альянс все правительства, борющиеся против держав Оси, обязывал участников поддерживать принципы, заложенные в хартии. Фактически после подписания декларации действенность принципов должна была подвергнуться серьезному испытанию в сложных условиях войны. Было абсолютно ясно, что советское правительство собиралось настаивать на территориальных притязаниях, а это шло вразрез с западной точкой зрения, высказанной в Атлантической хартии и Декларации Объединенных Наций. Об этом следует рассказать до того, как мы перейдем к объяснению стратегических решений, которые принимала коалиция после вступления в войну Соединенных Штатов.

Принципы, положенные в основу управления коалицией, и требования советской стороны

В период сотрудничества с Германией Советский Союз существенно расширил свои границы. В его состав вошли три Балтийских государства; восточная часть Польши; прилегающая к нему часть Финляндии; некогда принадлежавшая России, а ныне одна из областей Румынии, Бессарабия; Буковина и острова Дуная. С тех пор Советский Союз всячески добивался, чтобы правительства других стран признали, что он на законном основании владеет данными территориями. Как только возник вопрос о военном альянсе с Великобританией и Польшей, это желание вышло на первый план, без каких-либо объяснений и в полной уверенности, что такое положение оправдано исторически и с точки зрения текущего момента.

Американцы и англичане были осведомлены об этом намерении советской стороны, узнав о нем еще в июне-июле 1941 года, когда впервые решили оказать России поддержку. Они просто отложили на время решение этой проблемы. Во время переговоров в заливе Арджентия с 9 по 12 августа Рузвельт и Черчилль окончательно укрепились в нелестном мнении относительно своего неблагодарного союзника.

Атлантическая хартия официально признала членом союза в качестве претендентов на новую территорию, но не согласилась с вопросом, касающимся народов, населяющих эту территорию. Несмотря на сильное желание со стороны России, времени на рассмотрение этих сложных проблем было отпущено ничтожно мало: меньше часа отводилось на разрешение спорных вопросов. Рузвельт был вправе признать эти условия повсеместно приемлемыми. Черчилль искренне присоединился к его мнению, несмотря на принятое решение не рассматривать эти условия применительно к существующей Британской империи. 9 сентября в речи, произнесенной в палате общин, Черчилль объяснил свои мотивы: «На встрече в Атлантике мы главным образом рассматривали вопросы восстановления суверенитета, самоуправления, существования государств и народов Европы, находящихся под нацистским игом, и принципы регулирования любых изменений территориальных границ».

Рузвельт имел в виду более широкое с географической точки зрения применение этих условий.

Вскоре советское правительство согласилось с такими условиями, о чем сообщил 24 сентября Майский, советский посол в Лондоне.

Выступление Майского на встрече союзников в Лондоне отличала некоторая тяжеловесность. «Принимая во внимание практическое применение этих принципов, которые неизбежно будут приспособляться к обстоятельствам, потребностям и специфическим особенностям государств, советское правительство может с уверенностью заявить, что последовательное применение этих принципов будет гарантировать мощную поддержку со стороны правительства и народа Советского Союза».

Когда Бивербрук и Гарриман были в Москве, работая над программой оказания помощи, Сталин проявил интерес к военным целям правительств Соединенных Штатов Америки и Великобритании. Он, с некоторой долей скептицизма, заметил, что вряд ли они остановятся всего на восьми пунктах хартии; их не хватит, чтобы охватить все аспекты проблемы, как, например, заставить Германию оплатить военные расходы. Сталин вновь высказал желание изменить подписанный в июле военный договор с Великобританией. Он собирался внести в договор пункты, касающиеся послевоенного сотрудничества, которое, по всей видимости, займется всеми аспектами политики. Несколько позже между Советским Союзом и Великобританией возникли острые разногласия относительно того, должна или нет Британия объявлять войну Финляндии, Румынии и Венгрии, объединившимся с Германией в борьбе против Советского Союза. Сталин усиленно настаивал на том, что Британия обязана объявить войну. Черчилль сомневался в разумности подобного решения; может, удастся отделить эти страны от Германии. Это привело к тому, что Сталин заявил, что сомневается в возможности взаимного доверия и ясности в отношениях между правительствами Советского Союза и Британии без детального, не оставляющего сомнений соглашения в отношении военных целей и планов послевоенного сотрудничества.

Черчилль пришел к заключению, что военное сотрудничество не сможет быть по-настоящему действенным, если настроение русских лидеров не изменится к лучшему и они не станут больше доверять партнерам. В связи с этим 21 ноября он предложил Сталину, чтобы Иден сопровождал британских военных экспертов, направленных в Москву. Черчилль пояснил, что Идену приказано обсудить все вопросы, связанные с войной, но основная цель поездки заключается в обсуждении послевоенных соглашений. Сталин приветствовал это предложение.

Британцы занялись решением вопроса, что можно предложить советскому правительству. В это же самое время, в период с 20 по 26 ноября 1942 года, американское правительство занималось составлением соглашения по основополагающим принципам, которые могли лечь в основу будущих отношений с Японией. На тот момент не усматривалось никакой связи между этими двумя событиями. Но, поскольку британский кабинет министров вместе с Черчиллем прекрасно понимали, что война в Тихом океане

может начаться в любой момент, они были способны оценить, до каких пор могут идти на уступки, чтобы Россия осталась довольна. Даже если предположить, что это когда-то произойдет, не следовало думать, что Россия переориентирует свои силы на Японию, умерив активность на советско-германском фронте.

Гитлер сделал соответствующие коррективы, имея в виду эти выводы. Несанкционированная публикация в «Chicago Tribune» от 4 декабря текста договора «АВС-1» с Британией, подписанного в марте 1941 года, а также военного плана объединенной армии и военно-морского флота и предположительного состава объединенного стратегического совета, подписанного 11 сентября 1941 года Старком и Маршаллом, заставила немецких военных советников пересмотреть стратегические планы. Немецкое наступление на Восточном фронте решили на время приостановить; основные силы авиации и флота Германии перебросить для нападения на Британию и захвата Восточного Средиземноморья. Но Гитлер отклонил этот план, что явилось одним из наиболее важных решений в годы войны.

Только 4 декабря американское правительство было проинформировано о цели поездки Идена в Москву. Идеи сообщил Винанту, нашему послу в Великобритании, что цель его визита «...будет заключаться в том, чтобы развеять недоверие со стороны Советов и по возможности убедить в этом Сталина. Среди прочего, он должен попытаться получить подтверждение одобрения советской стороной Атлантической хартии и официального подтверждения заверений, прозвучавших 6 ноября в речи Сталина, и, кроме того, одобрения возможного разоружения Германии и федеративных соглашений между малыми европейскими государствами».

Хэлл был обеспокоен, что Идеи, гарантируя военное сотрудничество с Россией, может быть вовлечен в решение советских территориальных вопросов, и это в то время, когда мы отважились на войну с Японией из-за отказа удовлетворить подобные пограничные притязания. Итак, 5 декабря, с одобрения президента, Хэлл срочно отправил Винанту письмо с просьбой встретиться с Иденом до его отлета в Москву. Министр иностранных дел должен был объяснить, что послевоенная политика Америки будет вкратце изложена в Атлантической хартии; что, по нашему мнению, будет большой ошибкой со стороны советского, британского и американского правительств прийти к любому соглашению относительно конкретных условий послевоенного устройства или принять обязательства рассматривать индивидуально каждое государство, что может поставить под угрозу общую цель в отношении прочного мира, а главное – не должно заключаться никаких секретных соглашений. 6 декабря Винант передал это послание Идену. Память услужливо напомнила о больших неприятностях, последовавших за тайными соглашениями наших европейских партнеров, возглавляемых министром Вильсоном, в Первую мировую войну.

Когда на следующее утро японцы совершили нападение на Пёрл-Харбор, британское правительство задумалось, стоит ли посылать Идена в Москву. Но Черчилль решил, что это новое грандиозное событие ничуть не уменьшило потребность в создании крепкой основы для объединения с Москвой и нет необходимости вносить какие-либо изменения в ранее выданные Идену распоряжения. Идеи отправился в Москву, а Черчилль в спешном порядке занялся подготовкой первого за время войны визита в Вашингтон, чтобы там, в перерывах между обсуждениями вопросов, связанных с войной, вместе с Рузвельтом закончить составление Декларации Объединенных Наций.

Во время визита в Москву, в период с 16 по 28 декабря, Идеи и его коллеги из Лондона обращали особое внимание на то, чтобы американская администрация была информирована о происходящем и постоянно находилась в курсе дела. Члены делегации сообщали об основных моментах, возникающих в ходе переговоров, Уолтеру Тарстону, советнику нашего посольства, оставшемуся в Москве, в то время как весь штат посольства отправился в Куйбышев. Помимо этого, отчеты Идена для министерства иностранных дел о ходе переговоров с Молотовым и Сталиным были показаны Винанту.

Советских руководителей не удовлетворили обязательства относительно сотрудничества и взаимопонимания, основанные на известных принципах. Они добивались полной определенности в вопросе о том, что Советский Союз получит в конце войны. Сталин предложил составить соглашение относительно: а) послевоенных западных границ Советского Союза и б) урегулирования большинства других европейских политических и территориальных вопросов, которые возникнут по окончании войны. Уже на первых переговорах, 16 декабря, Сталин предложил Идену оформить это в виде секретного протокола к основному договору.

Не обращая внимания на существующую линию фронта, они смотрели в далекое победное будущее. У них были конкретные, далеко идущие устремления. Сталина в первую очередь интересовало признание законности советских границ в том виде, в каком они были до нападения Германии в июне 1941 года. Балтийские государства, часть Финляндии и Бессарабия должны были остаться в составе Советского Союза. Граница между Польшей и Советским Союзом должна была проходить по так называемой линии Керзона, что фактически означало удержание почти всей Восточной Польши, оккупированной Советским Союзом в 1939 году. Все вопросы, связанные с границами, должны были войти в приложение к договору.

Румыния должна была предоставить условия для размещения советских военно-воздушных баз. Кроме того, Молотов дал понять, что советское правительство собирается поднять вопрос о переносе границ в Западной Пруссии и о дополнительных военно-воздушных и военно-морских базах в Финляндии.

Сталин сообщил Идену, что в случае согласия с советскими пожеланиями относительно границ и территорий советское правительство, в свою очередь, с удовольствием согласится на требования Великобритании. Он заявил, что будет готов поддержать любые соглашения, на основании которых Соединенное Королевство сможет получить базы и другие подобные объекты в западных странах, например во Франции, Бельгии, Нидерландах, Норвегии, Дании.

Черчилль мрачно прочел сообщение Идена о советских предложениях, находясь на борту судна, следующего в Вашингтон. Все его помыслы были направлены на оформление военных планов, которые должны были стать предметом обсуждения с его новым великим союзником. В такой момент, конечно, не стоило волновать принимающую сторону, соглашаясь с предложениями Сталина, не соответствующими его, Черчилля, намерениям. 20 декабря он отправил с борта корабля сообщение военному правительству: «Требования Сталина относительно Финляндии, Балтийских государств и Румынии полностью противоречат первому, второму и третьему пунктам Атлантической хартии, подписанной Сталиным. Не может идти речи о подобном соглашении, тайном, явном или подразумеваемом, без предварительного согласования с Соединенными Штатами. Еще не время для улаживания пограничных вопросов; они могут быть решены только на мирной конференции. после нашей победы в войне».

Идеи придерживался этой же линии, несмотря на то что вопрос оставался открытым до принятия советских условий. Он объяснил Сталину, что не может подписать соглашение, гарантирующее признание советских границ или содержащее другие территориальные притязания, мотивируя это тем, что «британское правительство заверило американское правительство, что никогда на это не пойдет».

Сталин грубо ответил, что не требуется доказательств, чтобы понять: Советский Союз, учитывая понесенные потери и необходимость в получении помощи, должен восстановить прежние территории. Когда Идеи сослался на принципы Атлантической хартии. Сталин заметил, что хартия была направлена против тех, кто пытается установить мировое господство, но для начала следует посмотреть, не направлено ли это против Советского Союза. Он пошел еще дальше, заявив, что, если Британия откажется признать советские границы, это покажет, что она попросту создала прецедент. чтобы разделить на части Советский Союз. Идеи уверенно отмел эти подозрения и упорно стоял на той

позиции, что британское правительство из-за обещания, данного американскому правительству, не может поступить так, как этого хочет Сталин. Потребуется время, чтобы обсудить советские предложения не только с правительством Америки, но и с правительствами доминионов. Сталин заявил, что договор, не содержащий требуемых условий, не более чем одно лишь название и что он подождет, пока британское правительство проведет необходимые консультации. Идеи пообещал, что переговоры будут проведены безотлагательно. Он покинул Москву, оставив вопрос в стадии рассмотрения, отложенным на время, но не забытым. То, что произошло несколькими месяцами позже, будет рассказано в связи с отчетом о поездках Молотова в Лондон и Вашингтон, где, наряду с проблемой второго фронта, обсуждался и этот вопрос.

Еще шли переговоры с Иденом, а советские руководители уже начали обсуждение договора с поляками. Польша была разорена, и после вторжения Германии русские были готовы рассматривать поляков в качестве союзников. В ходе переговоров советские лидеры выдвигали те же предложения, касающиеся будущих советско-польских границ, что и во время переговоров с британской стороной. Учитывая важность вопроса для отношений между членами коалиции (прошлых, настоящих и будущих), следует ясно представлять причины и историю возникновения данного вопроса.

Существует много различных причин, по которым проблемы, связанные с Польшей, оказались столь жизненно важны. Во-первых, географическое положение, между Германией и Россией, являлось причиной того, что вопрос границ, дипломатические и военные связи имели первостепенное значение в любой борьбе за власть. Доказательством служат трагические свидетельства трех столетий. Таким образом, русские и немцы рассматривали польский вопрос в исторической перспективе, от прошлых взаимных конфликтов до опасности будущих столкновений. Гордость и мужество поддерживали поляков и, идя на компромиссы, они только добавляли очередную несправедливость к уже имеющимся.

Возродившись после Первой мировой войны в статусе самостоятельного государства, Польша разочаровалась в политиках и патриотических идеалистах, которые боролись за ее возрождение. В ходе этой гнусной интриги, продолжавшейся в Европе в течение нескольких лет, Польша входила в контакт со всеми возможными партнерами.

Несмотря на надвигающуюся угрозу со стороны Германии, на всем протяжении между войнами Советский Союз и Польша сохраняли враждебные отношения. Хотя Германия захватила Австрию, поляки не предприняли никаких действий в попытке защитить себя. После Мюнхенского соглашения, когда Гитлер разгромил Чехословакию, поляки в октябре 1938 года захватили Тешинскую Силезию. Это имело печальные последствия; был нанесен удар по интересам Польши, ее положению и отношению к ней на Западе.

Уже весной 1939 года кабинет Чемберлена окончательно уверился, что Гитлер вынашивает замысел господства национал-социалистской Германии над всей Европой. Выступая 31 марта в палате общин, премьер-министр, в частности, сказал: «...в случае любых действий, представляющих угрозу независимости Польши, против которых польское правительство сочтет необходимым обороняться силами национальной армии, правительство его величества будет обязано сразу же оказать всемерную поддержку правительству Польши. Именно поэтому мы выдали гарантии польскому правительству». Правительство Франции сделало то же самое.

Советское правительство настаивало, что для того, чтобы подобное обязательство с его стороны было бы действительно эффективным, Красная армия в критической ситуации должна иметь право войти в Польшу и Румынию. Но поляки опасались открывать свои границы Красной армии, даже в том случае, если она придет, чтобы защитить их.

Когда 15 августа 1939 года Бонне, министр иностранных дел Франции, в разговоре с польским послом поднял этот вопрос, предупреждая его, что в случае отказа следует

опасаться чего угодно, вплоть до германо-российского соглашения, направленного против Варшавы, М. Лукашевич ответил: «Бек (польский министр иностранных дел) никогда не согласится впустить русских на территорию, которую мы отобрали у них в 1921 году. А вы бы согласились предоставить немцам право защищать Эльзас-Лотарингию?»

Польша отказалась дать свое согласие, несмотря на то что Британия и Франция были готовы предоставить полные гарантии вывода советских войск, которые могли бы войти в Польшу, и даже предоставить «полные гарантии на эти гарантии». Советское правительство ошибочно считало, что упорство со стороны польского правительства означает, что Польша тайно сотрудничает с Германией или готова пойти на это.

А затем произошло следующее. Печально известный пакт, заключенный советским и германским правительствами 23 августа 1939 года, поделил Польшу между ними. Секретное приложение предусматривало, что «в случае территориальных и политических перестановок в районах, примыкающих к Польше, раздел сфер влияния Германии и Советского Союза должен проходить по рекам Нарев, Висла и Сан». Вопрос о том, требуют ли интересы обеих сторон сохранения независимости Польши и как следует ограничить ее независимость, мог быть решен только в ходе дальнейшего развития политических событий.

Выждав определенное время, чтобы избежать неожиданного столкновения на территории Польши с британскими или французскими войсками, Красная армия 17 сентября пересекла польскую границу. В ноте, которую Потемкин, помощник Молотова, вручил польскому послу в Москве всего за несколько часов до начала вторжения, была достойная внимания фраза, пример того, как проявление враждебности может быть представлено в виде акта благожелательности: «...советское правительство предпринимает все усилия для того, чтобы вытащить польский народ из этой ужасной войны, в которую он был втянут по недомыслию собственных руководителей, и предоставить ему право жить в мире».

Немцы наступали гораздо быстрее, чем это предполагалось, и продвинулись уже восточнее Вислы в ту часть Польши, которая, согласно секретному приложению, отошла Советскому Союзу. Таким образом, Гитлер добился изменения разделительной линии. Риббентроп опять отправился в Москву, и секретный договор с внесенными поправками был подписан. По нему Германии отходило Люблинское воеводство и часть Варшавского воеводства, тем самым отодвинув границы на семьдесят – сто миль восточнее, чем оговаривалось в первом соглашении. Взамен Германия отказалась от притязаний на большую часть Литвы. Тогда же британское правительство подсчитало, что на территории, захваченной Россией, жило почти пять миллионов поляков. Это данные переписи населения на 1931 год, без учета последующего увеличения (по заявлению Батлера, заместителя министра, в палате общин 18 октября 1939 года). По данным исследования, проведенного американским межведомственным комитетом, установлено, что на территории Польши, оккупированной Советским Союзом в 1939 году, проживало примерно 11,8 миллиона человек, из которых 4,7 миллиона (39 процентов) поляки, 4 миллиона (34,2 процента) украинцы, 1 миллион (8,3 процента) белоэмигранты, 1 миллион (8,3 процента) евреи и 1,1 миллиона разные национальности.

Но русские не согласились с этим утверждением и упорно доказывали, что территория была получена на законном основании и должна считаться частью Украины и Белоруссии.

Польское государство было уничтожено, но членам польского правительства и некоторым крупным военным чинам удалось убежать во Францию и Англию. Они сформировали правительство в изгнании, которое вскоре разместилось в Лондоне. Британское правительство признало его и относилось как к полноправному союзнику. Польское правительство в изгнании обеспечило средства для организации польских авиагрупп, геройски проявивших себя при защите Британии, и наземных дивизий, сражавшихся в Италии и Франции.

Американское правительство 2 октября 1939 года тоже признало польское правительство в изгнании и установило с ним дипломатические отношения. А вот советское правительство с презрением отнеслось к польскому правительству, и так продолжалось до тех пор, пока Германия в июне 1941 года не повернула на восток, пройдя маршем по той части территории бывшей Польши, которая входила в состав Советского Союза. Тут же встает вопрос: могли бы эти две страны урегулировать отношения? Можно было бы предлагать полякам воевать вместе с русскими, заранее не пообещав, что в конце войны Польша будет восстановлена? А с какими границами?

Генерал Сикорский, премьер-министр польского правительства в изгнании, хотел урегулировать отношения с русскими. После беседы с Черчиллем и Иденом он 23 июня, на следующий день после германского вторжения в Россию, выступил по радио с заявлением о своем желании урегулировать отношения с Советским Союзом, но добавил, что «у нас есть все основания предполагать, что в таком случае Россия аннулирует советско-германский пакт 1939 года». Британское правительство уклонилось от разбирательства этого вопроса; это сделало американское правительство.

4 июля Майский проинформировал Идена о соображениях советской стороны по поводу восстановления отношений с Польшей. «Советское правительство, – сказал он, – готово иметь дело с „лондонской группой“, рассматривая ее в качестве правительства Польши. Это дало бы возможность сформировать в Советском Союзе Польский национальный комитет, которому было бы разрешено, в свою очередь, сформировать Польскую национальную армию из бывших польских солдат; обеспечение этой армии взяло бы на себя советское правительство». Советский Союз одобрял создание независимого национального Польского государства с границами «в соответствии с этнографической Польшей». «Если генерал Сикорский и его правительство, – сказал Майский, – находят это предложение приемлемым, советское правительство подготовит соглашение о выступлении единым фронтом против немецкой агрессии».

В начале июля 1941 года Британия организовала встречу Сикорского с Майским для обсуждения вопроса, каким образом они могут уладить имеющиеся разногласия. Первая встреча, по выражению Черчилля, оказалась «фригидной». Советское правительство продемонстрировало, что готово согласиться с большинством польских предложений, но не согласиться с возвратом тех территорий бывшей Польши, которые были аннексированы Советским Союзом. Майский приводил такие аргументы. Во-первых, этнографически эти территории принадлежат России, во-вторых, британское правительство в июле 1921 года явилось инициатором разделительной линии (линии Керзона), что было практически тем же самым. И третье: исходя из полученного опыта совершенно ясно, что эти территории имели существенное значение при обороне Советского Союза. Именно этой точки зрения придерживался Сталин в своем первом с начала войны послании Черчиллю от 18 июля, замечая, что «легко представить, насколько предпочтительнее было бы положение немецкой армии, если бы советские войска оказались с ней лицом к лицу не в районе Кишинева, Львова, Бреста, Каунаса и Выборга, а в районе Одессы, Каменец-Подольского, Минска или Ленинграда».

Это явилось основанием для того, чтобы на протяжении всех переговоров с поляками русские твердо стояли на одном: вопрос с западными русскими границами (соответственно восточными границами Польши) должен быть урегулирован раз и навсегда. Столь однозначное требование означало, что война не сможет к взаимному удовольствию разрешить этот затянувшийся на три столетия вопрос: как поделить участок земли в центре Европы между русскими, поляками и немцами.

Ни британское, ни американское правительства не видели, каким образом можно безотлагательно исключить эту превентивную меру из советско-польского соглашения. Но, несмотря на недовольство со стороны русских и неуверенность поляков, это все-таки было сделано. Соглашение было подписано 30 июля. Решающий аргумент, повлиявший на решение проблемы польских границ, заключался в утверждении, что советско-

германские соглашения 1939 года относительно раздела Польши «...утратили юридическую силу».

В день подписания этого соглашения британское правительство направило официальную ноту в адрес польского правительства, констатируя, что «...правительство его величества не признает какие-либо территориальные изменения, происшедшие в Польше после 1939 года». Идеи еще раз отметил это обстоятельство в речи, произнесенной им в тот же день в палате общин. Но на вопрос, означает ли эта нота, что британское правительство *гарантирует* сохранение польских границ 1939 года, Идеи дал отрицательный ответ. Дальше я расскажу о том, как британское правительство пришло к убеждению, что исходящее из Советского Союза предложение относительно новых польских границ было весьма удачным.

Американское правительство также отказалось от помощи в восстановлении прежних польских границ. 31 июля оно сделало весьма туманное заявление, оставляющее огромное поле для различных толкований.

Поляки предприняли попытку настоять на своих условиях в соглашении с Москвой. В публичном выступлении Сикорский заявил, что границы должны быть восстановлены в том виде, в каком они были до вторжения с Востока и Запада. 31 августа «Известия» отреагировали на его выступление, сообщив, что Советский Союз никогда не давал подобных обещаний.

Возобновление официальных отношений между Россией и Польшей не привело к обычному сотрудничеству в интересах общего дела. 14 августа они продолжили подписание военного соглашения, предусматривающего условия, на которых польская армия будет сформирована в России. Поляки то и дело сталкивались с трудностями при попытке выполнить это условие соглашения. Они полагали, что Советский Союз умышленно не выполняет взятые на себя обязательства. Но недовольные поляки все же не могли не отметить ужасных испытаний, выпавших на долю Советского Союза в течение первой осени и зимы после вторжения Германии, и считали своим долгом внести вклад в общее дело борьбы с врагом. Несмотря на многочисленные препятствия, небольшая польская армия была наконец-то сформирована. Поляки были осведомлены о том, что высшие военные чины, избежавшие лагерей для военнопленных, собирались присоединиться к ним. Советские лидеры не давали никаких объяснений по этому поводу. Тайна исчезновения польских офицеров глубоко засела в сознании поляков и явилась причиной дальнейшего разрыва советско-польских отношений. Но это уже относится к не оправдавшему надежд будущему.

Между тем после вмешательства Америки и Британии, непосредственно перед визитом Идена, генерал Сикорский в декабре 1941 года вновь отправился в Москву, где подписал со Сталиным Декларацию о польско-советской дружбе и взаимопомощи. Польский премьер-министр добился некоторых уступок, но далеко не всех. Сталин вновь пообещал, что польские граждане, находящиеся в Советском Союзе, будут немедленно освобождены, но он имел в виду только тех, кто являлся поляком по рождению, а не польских евреев, украинцев, белоэмигрантов. Он согласился с тем, что в России должно быть сформировано шесть-семь польских дивизий, но оснащенных в основном с помощью Великобритании и Соединенных Штатов.

Сикорский был вполне удовлетворен данными обещаниями. Сталин тоже казался довольным. Но проблема, касающаяся границ, оставалась по-прежнему острой, и Сталин стремился обсудить ее. Ему хотелось уладить вопрос до визита Идена, чтобы больше не было никаких препятствий к подписанию долгожданного договора с Великобританией. Неожиданно прервав дружеский разговор, Сталин сказал: «А не стоит ли поговорить сейчас о границах между Польшей и Россией?» Но Сикорский понимал, насколько острым является пограничный вопрос, а потому ответил, что не может обсуждать эту тему, более того, он не видит в этом необходимости, поскольку вопрос о границе был решен в 1921 году.

Сичановский, бывший в это время послом в Советском Союзе, написал в своей книге, что Сталин пытался склонить Сикорского к обсуждению границ, объясняя, что требуются незначительные изменения, которые практически не затронут Польшу.

Согласно одной из статей, опубликованной уже в 1947 году, Сталин сказал, что хочет немного изменить советско-польские границы (чуть-чуть), и добавил, что ни в коем случае не будет претендовать на Львов, который этнографически принадлежал Польше. Статья, судя по всему, была основана на действительной информации, но, к сожалению, автор не указал документы или источник, на которых основывалось это утверждение, и теперь трудно судить о достоверности этой информации.

Вполне вероятно, что в тот момент польское правительство упустило великолепный шанс добиться некоторых компромиссов со стороны советского правительства. Русские ожесточенно оборонялись, и именно в этот период для советских руководителей дружба и поддержка значили гораздо больше, чем когда-либо.

Столь явные различия в политических устремлениях и взглядах среди членов коалиции не препятствовали обсуждению основных военных планов. Как будет показано ниже, о совместных планах постоянно помнили; союзники просто не могли позволить себе прекратить разработку текущих и перспективных военных планов.